

Крупную волну эмиграции из России 10 — 15 лет назад немцы встречали с распростертыми объятиями. Человека, приехавшего "оттуда", хватили за рукав и тащили домой, объясняя жестами, что хотят угостить. Теперь, когда Германия переполнена переселенцами из разных стран, пыл коренных жителей поутих, интерес поостыл, а иностранная речь порой вызывает раздражение.

Если бы знать...

ТЕАТР

Наталья ЧИРКОВА

Частенько, маскируясь под местных, бывшие жители России стараются на улице не разговаривать на родном языке. От усердства их речь превращается в безобразную кашу из русских и немецких слов, а дети и вовсе ни слова не могут произнести по-русски. На фоне непродуманной ностальгии грустно наблюдать такое явление. От коммунизма, комсомола, всяких навязчивых объединений наши соотечественники за рубежом бросились в другую крайность — разобщенность, добровольный побег от русской культуры и лучшего, что в ней есть, — языка.

Но вспыхнула во Франкфурте-на-Майне звездочка — крохотный Русский театр на 60 мест. Молодая актриса Ольга Конская, успевшая серьезно поработать на сцене МХАТа им. Горького и в кино, поинтересовалась в Национальном театре в районе Борнгейм города Франкфурта, нельзя ли сделать постановку с немецкими актерами, имея в виду себя в качестве режиссера. В ответ она получила встречное предложение: попробовать сыграть на русском. Театр открылся осенью 1994 года, и начался он с Сергея Юрского. Первый спектакль с его участием потряс даже кое-кого из старых эмигрантов, потомков аристократов, покинувших страну в 1917 году. Словом, публика приняла театр и стала ждать новых гостей. Сейчас регулярно Национальный театр в Борнгейме отводит определенное число вечеров Русскому театру. "Каждый спектакль для меня — состояние чуда, обязывающее к абсолютно полной мобилизации, состояние стресса для меня и для всей моей семьи, которая тоже здесь. Я никак не могу привыкнуть, что этот театр есть. Это — постоянный экзаме́н, я страшно волнуюсь за актеров, за зрителей, за погоду, за свет..." — сказала Ольга Конская в интервью, данном эмигрантской газете "Курьер", родившейся почти одновременно с театром.

За Юрским последовали Филиппенко, Басилашвили. Русские зрители шли на имена, немцы — из-за огромного интереса к российскому театральному искусству.

Ли́ка Ми́зинова — О. Конская

Узнав, что в Германии работает наездами режиссер "Моссовета" Борис Щедрин, О.Конская попросила его помочь организовать первую самостоятельную постановку Русского театра. Будучи постановщиком "Вишневого сада" в Москве и "Трех сестер" в Праге, Б.Щедрин давно лелеял идею создать пьесу, в основу которой легла бы переписка Антона Павловича с Ликой Мизиновой. Режиссер присмотрелся к О.Конской и написал сценарий для двух актеров. На роль Чехова был приглашен московский артист Павел Иванов. Премьера спектакля "Ваш Чехов" имела успех, рассеявший опасения, что зритель пойдет только на громкие имена. Борис Щедрин не навязывает публике свою точку зрения, он предлагает поразмышлять вместе с ним, как отношения Чехова и Мизиновой перекликаются с рассказами и пьесами пи-

сателя. Хрупкие нити переписки приводят в движение персонажей "Попрыгуньи", "Супруги", "Чайки". Переход от писем к произведениям Чехова неискушенному зрителю едва заметен, лишь смена имен напоминает, в каком "месте" повествования мы находимся. Доктор Чехов в исполнении П.Иванова играет самого себя в ролях Тригорина, Треплева, Гаева, Николая Евграфыча из "Супруги". Что-то неуловимое, какое-то особенное обаяние актера с первых минут спектакля создает иллюзию общения с настоящим, живым Антоном Павловичем.

О.Конская перевоплощается то в Ольгу Ивановну из "Попрыгуньи", то в Ольгу Дмитриевну из "Супруги", то в Нину Заречную из "Чайки", и просто диву даешься, как соответствует ее гибкая фигура чеховским характеристикам. Во всех героинях ошутимо присутствует Лика — "златокудрая

обольстительная дева", что талантливо подтверждает версию режиссера — судьба Мизиновой отражена во многих работах Чехова.

Волнующие моменты многократно отражаются в зеркальном убранстве маленькой сценки. Продуманная сценография Энара Стенберга как бы раздвигает пространство. Вдруг возникает образ желтой Ялты, и гигантское расстояние, разделяющее Лику и Антона Павловича, "заполняется" голосом Шаляпина. Ни одной накладки со светом, музыкой, прекрасные костюмы — все это позволяет зрителю полностью погрузиться в атмосферу спектакля.

Что-то, кажется, мешает Чехову и Мизиновой распахнуть объятия и броситься навстречу друг другу. Глаза Лики — Конской наполняются непритворными слезами, и ясно осознаешь, что эти двое никогда не купят на Тихом океане пароход, не назовут его "Лика" и не отправятся путешествовать по Амуру...

Время схлестывается, теряет свою философскую значимость, и (вечное чудо театра!) зрители, и актеры, как в сказке про Золушку, переносятся в волшебный сад, в последней сцене спектакля — вишневый. Россию охватил небывалый экономический подъем. Помещичьи усадьбы разоряются. Чехов пишет Лике в Париж о продаже Мелихова и переезде в Крым. Предчувствие счастья, в котором живут герои Чехова, обрывается на мгновение. Мизинова и Чехов, играя Раневскую и Гаева, кидаются друг другу на шею, но поздно. Жизнь чеховских персонажей как бы догорает, как свеча, отраженная в зеркале. Только голос Ольги из "Трех сестер" остается в памяти: "...кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем мы страдаем... Если бы знать, если бы знать".

Зрители вернулись к своей обычной жизни в чужой стране. Возможно, кто-то, настроившись на возвышенный лад, написал замечательные письма на хорошем русском языке любимым или близким, оставшимся в России. Если бы знать...

Театр успешно гастролировал в других городах Германии и в Люксембурге
ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ